

Смертельные
тайны

НИКО ТАКЯН

ОТЕЛЬ
«АВАЛАНШ»

Смертельные тайны. Триллер

Нико Такян

Отель «Аваланш»

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Такян Н.

Отель «Аваланш» / Н. Такян — «Издательство АСТ»,
2019 — (Смертельные тайны. Триллер)

ISBN 978-5-17-119309-6

Январь 1980 года. Джошуа Оберон очнулся в отеле «Ава-ланш» в швейцарских Альпах. Он потерял память, но быстро выясняет, что он охранник и ему поручено расследовать исчезновение восемнадцатилетней девушки Кэтрин. Однако Джошуа не покидает странное чувство, будто что-то не так в окружающей обстановке. Навязчивый голос в голове предупреждает об опасности. Молчаливый бармен просит Джошуа следовать за ним в горы по важному делу, хотя начинается снежная буря. Джошуа так холодно, что он теряет сознание... и приходит в себя только в больничной палате. Мы не в 1980-м, а в 2018-м. Джошуа не охранник, он полицейский, а отель «Аваланш» давно закрыт. Между тем в снегу находят едва не замерзшую девушку, в кармане которой обнаружено фото пропавшей Кэтрин. Что произошло в том отеле много лет назад? Какие тайны скрывает незнакомка? И сможет ли Джошуа разобраться во всех этих необъяснимых событиях?

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-119309-6

© Такян Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Нико Такян

Отель «Аваланш»

Роман

Жизнь есть не более чем выбор не прекращать воспоминание.
Рене Шар

Niko Tackian
Avalanche Hôtel

* * *

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Éditions Calmann-Lévy, 2019
© Гурова А., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

По его телу пробежал ледящий холод. Да и как иначе, если лежишь на полу из кафельной плитки? Бело-зеленая мозаика может радовать глаз, но не способна греть. От его левого виска тянулась струйка крови. А в голове как будто вещал слабый голос. Он как будто прояснял ситуацию и помогал собрать воедино осколки происходящего.

– *Где я?* – проскочила мысль. Он перевернулся на бок, оперся на колени, чтобы подняться. Легкая мигрень, словно шум далекого бала, отдающийся в голове. Он повернул голову и осмотрел помещение, в котором находился. Это была большая ванная комната с зелеными стенами. Ванна оказалась длинной, во всю стену.

– *Ты поскользнулся, когда поднимался из воды. Ты ударился головой, – продолжал говорить голос,* и он машинально наклонился. Ванна была пуста. – *Вода могла и стечь... Ты здесь лежишь, возможно, не один час.*

Прямо перед ним в стене была ниша, в которой находились две керамические раковины и огромное зеркало. В нем он увидел свое отражение. Брюнет, средний рост, неплохо сложен, около тридцати.

– *Что, даже имени своего не помнишь?*

Он помассировал виски, втайне надеясь, что это поможет вернуть память. Джо... Джо-зеф... Так что ли его звали?

– *Бред! Не верю ни на грош!* – возмутился голос. Он сжал пальцами раковину и приблизился к зеркалу. На какую-то долю мгновения мужчина с тонкими чертами лица и ясными глазами показался ему полным незнакомцем. Он поднес руку к виску, и его пальцы скользнули к краю раны.

– *Я же говорю, ты наворачнулся! Ты стукнулся башкой, вот и все!*

Рана болела, но не так, чтобы нестерпимо, да и головная боль почти прошла. Он задавался вопросом, как можно потерять память от простого падения. Позади него на хромированном поручне висели два белых полотенца с большими инициалами «О. А.», которые ему

ровным счетом ни о чем не говорили. Он обернул одно из них вокруг талии, вышел из ванной и оказался в прекрасном гостиничном номере. Его ноги утопали в кроваво-красном ковре. В дальней части располагалась двухместная кровать, укрытая покрывалом того самого оттенка зеленого, в котором была оформлена ванная комната. По бокам стояли два столика с лампами в стиле ар-деко и старомодным дисковым телефоном. Также была гостевая зона с диваном, установленным напротив огромной застекленной двери.

Из-за нее лился невероятно белый и яркий свет, будто ненастоящий.

Когда он подходил к двери, ему даже пришлось прикрыть лицо рукой, чтобы не резало глаза. А в окно было видно, что до самого горизонта тянулась долина, заросшая лесом. Вдалеке виднелись остроконечные силуэты гор. У их подножия притаилось ярко-синее озеро, и все вместе это напоминало вид с почтовой открытки.

– *Такое место невозможно забыть!* – сказал внутренний голос. Но никакого конкретного названия в памяти не всплывало. Эпиналь¹ с открыток, да и только. Почувствовав поток холодного воздуха, проникавший через оконную щель, он вздрогнул и снова ощутил головную боль.

– *Пора найти какие-нибудь тряпки!*

Он повернулся к двери, рядом с которой стоял дубовый платяной шкаф. Внутри шкафа висел ряд мрачных одинаковых костюмов и соответствующее количество идеально выглаженных белых рубашек. Он заметил бейдж, приколотый к лацкану пиджака. На нем было его черно-белое фото, а также имя и подпись: Джошуа Оберсон, Служба безопасности. Сверху располагался логотип «О. А.», уже знакомый по полотенцам.

– *Теперь ты видишь, что ты не Джозеф! Я был прав, голова ты садовая!*

Джошуа... Да, это был он, и сомнений в этом не оставалось. Он проработал в этом отеле... уже много лет. Память мало-помалу к нему возвращалась. Видимо, нужно было запастись терпением. Он решил одеться, просмотрел белье, лежавшее в ящике шкафа, влез в рубашку, костюм и очень элегантные кожаные ботинки. Теперь перед зеркалом стоял сотрудник службы безопасности отеля «О. А.» Джошуа Оберсон. А – это Альпы? Или Астория? Он ничего не помнил, но эти слова вдруг пришли ему на ум. В комнате раздался звонок телефона, и он поспешил снять трубку.

– Джошуа? Что вы делаете? – спросил сердитый женский голос.

– Я... я упал, – после секундного колебания ответил он.

– Упали? Ну что ж. Вас ждут в голубой гостиной. Встреча была назначена на десять часов, вы помните? Вы опаздываете уже на пятнадцать минут!

– Буду мигом! – машинально отозвался он, не имея ни малейшей идеи, где же найти эту самую голубую гостиную. Услышав в ответ, что его ждут, он повесил трубку и окинул взглядом комнату (его комнату?) в последний раз. Потом направился к двери. К двери был прикреплен план этажа с указаниями по эвакуации.

– *Тебе бы лучше поспешить, старик,* – сказал голос, когда Джошуа клал пальцы на ручку. – *Номер 81.*

У него в голове зажегся красный сигнал тревоги. 81... это число о чем-то ему напоминало. Невозможно понять, почувствовать наверняка. В этот момент он увидел слова, записанные готическим шрифтом сверху плана.

«Отель „Аваланш“²». О. А. Странноватое название для отеля! – сказал он себе.

Выйдя из номера, Джошуа обнаружил длинный коридор, по сторонам которого располагались одинаковые двери, точь-в-точь как его. Обои в желто-зеленую полоску выделялись

¹ Эпиналь – город и коммуна на северо-востоке Франции. С XVIII в. в этом городе производились «эпинальские картинки-отгиски», нечто вроде своеобразной разновидности русского лубка.

² «Аваланш» переводится как лавина (прим. ред.).

на фоне темно-красного ковролина, а шарообразные светильники, развешанные через равные промежутки, источали приглушенный свет. Атмосфера здесь была тревожная.

– *Налево*, – получил он очень уверенное указание от внутреннего голоса и повиновался. Спустя пятнадцать метров коридор разделился надвое под прямым углом. За поворотом скрылись новые двери.

– Громадина какая! – воскликнул он вслух.

– *Поистине так! Почти двести номеров и девяносто шесть люксов.*

Джошуа снова почувствовал, что по спине бежит холодок от непонимания того, откуда идет этот голос. Он ведь подсказывал информацию, которую Джошуа не мог вспомнить сам. Это что, побочный эффект «падения»? Или он всегда так жил?

– *Я всегда был с тобой, Джош*, – ответил голос так, будто его обладатель прочитал мысли. – *Когда-то ты даже дал мне прозвище Шамину. Миленькое, да? А мне оно кажется смешным...*

Тут любитель давать прозвища ускорил шаг, намереваясь побыстрее пройти коридор. Ему было неприятно общаться с воображаемым другом в этом плохо знакомом месте. Падение явно плохо сказалось на его способности соображать, и он сказал себе, что стоит поскорее сходить к врачу, чтобы проверить нейронные связи в голове. Да, версия с падением объясняла временную потерю памяти, но вот голос Шамину, прочно обосновавшийся у него в голове, явно появился по другой причине. Проходя мимо одной из дверей, Джошуа заметил, что на полу лежит ветка вишневого дерева с единственным чахлым цветком. Он наклонился, чтобы поднять ее, и в этот момент Шамину заявил: *«Несчастный, не думай к ней прикасаться!»*. Но было уже слишком поздно. «Несчастный» уже держал мертвую ветку в руках. Дерево засохло и сморщилось, не питаемое более живительными соками. Цветок оторвался и упал на ковролин – белое пятнышко в багровом море. От внезапно нахлынувшей тоски сжалось сердце, а он так и не понял, что же ее спровоцировало. Раздался негромкий звонок, и Джошуа повернул голову к лифту, который находился в конце коридора.

– *Уносим ноги!* – мученически заявил Шамину с ноткой паники в тоне. Джошуа посмотрел на дверь перед собой. Номер 67. Он задался вопросом, кто здесь живет и как тут очутилась ветка. Потом он вспомнил про телефонный звонок и раздраженный женский голос, велевший ему явиться в голубую гостиную. Против желания он положил ветку на пол и пошел дальше. Через несколько десятков метров он вошел в помещение, скрывавшее два лифта с огромными дверями. Сияющий хром контрастировал с темным деревом, покрывавшим стены. Он машинально нажал на кнопку, и двери открылись. Огромная кабина была увешана зеркалами. Панель насчитывала дюжину кнопок с номерами и буквами. Индикатор над дверью указывал, что он находится на восьмом этаже.

– *А всего их десять*, – сказал успокоившийся голос. Джошуа без лишних колебаний нажал на «Л» – лобби. Двери лифта стали медленно закрываться, и он в последний раз увидел ветку мертвого дерева на полу коридора. Ему вдруг показалось, что перед ним гниющий букет на старой могиле.

Выйдя из лифта, Джошуа обнаружил огромный мраморный холл, украшенный колоннами. Пол, выложенный черными и белыми квадратными плитками, казался огромной шахматной доской. Тут и там располагались обитые бархатом диванчики по соседству с элегантными низкими столиками. На диванах сидели постояльцы и оживленно общались. Периодически раздавался звон бокалов. Джошуа настойчиво смотрел в лица этих людей, будто что-то искал. Все они ему о чем-то напоминали. Он пошел вперед. Слева и справа были два огромных прохода, увешанных зеркалами. Над головой нависала гигантская люстра. Хитро-сплетения хрусталя отражали целое море света.

– *Ух ты!* – воскликнул голос, и Джош не нашелся, что ему ответить. Королевский дворец, а не отель «Аваланш». Джошуа видел это место будто в первый раз, однако же, по всей

видимости, знал его отлично. Он вдруг почувствовал себя счастливым, надо же, выпала удача работать в таком заведении. Из небольшого закутка, скрывавшего уютно выглядывавший бар, доносился приглушенный джаз. Джошуа повернул голову и увидел пианино и музыкантов, собравшихся вокруг. За стойкой находился мужчина в черном пиджаке, у него было странное лицо. Он помахал рукой, и Джошуа машинально помахал ему в ответ.

– Ты что, забыл про голубую гостиную? – вывел его из задумчивости голос Шамину. На светло-желтых стенах тут и там виднелись медные таблички с указаниями: стойка регистрации, бальная зала, бассейн, раздевалки, ресторан и... гостиные. Джошуа пошел в нужном направлении и пересек длинную галерею со стенами, увешанными зеркалами. В них до бесконечности отражался и множился спокойный свет, идущий от массивных люстр. Джошуа вошел в небольшое помещение и следовал табличкам, пока не добрался до места назначения. Это была огромная комната, стены которой радовали переливами различных оттенков голубого и словно подчеркивали люстру с золотыми завитушками и огромную фреску, напоминавшую о Сикстинской капелле. На фреске были изображены ангелочки с круглыми щеками, играющие на арфах и иронично посмеивающиеся над гостями. Почти всю залу занимал огромный стол для переговоров. Его стеклянная столешница покоилась на высоком металлическом пне с переплетающимися ветвями. Опаздывающего ожидали двое.

– Ну... наконец-то! Вы наконец-то снизошли и решили к нам присоединиться, Джошуа? – спросила брюнетка лет пятидесяти. Судя по напряженному лицу и тону голоса, она была не особенно расположена разговаривать. – Позвольте представить. Инспектор Сильван Либер. Вы знаете, почему он здесь?

– По причине исчезновения мисс Александер, – услышал свой голос Джошуа. Изумлению его не было предела. Он произнес эти слова, не задумываясь, они прозвучали естественным образом. А он даже не мог вспомнить, кто такая эта мисс Александер! Джошуа почувствовал, что на него накатывает волна паники. В этот момент инспектор, мужчина с широким лицом, одетый в потрепанный бархатный костюм, повернулся к нему.

– Рад познакомиться, Джошуа, – сказал он, протягивая толстую медвежью лапу для пожатия. – Миссис Делейн вкратце обрисовала ситуацию. Кэтрин Александер, по всей видимости, исчезла этим утром, около десяти часов, как свидетельствуют ее родители. Сколько ей полных лет?

– Едва отметила восемнадцать, – вмешалась брюнетка. – Мы отмечали ее день рождения в ресторане при отеле вчера вечером.

– В этом возрасте можно свободно распоряжаться своим временем, разве не так? Она вполне могла воспользоваться фуникулером и спуститься в город.

– Ее родители абсолютно уверены, что она пропала, инспектор. Они договорились вместе отправиться на завтрак, она не пришла. Семья Александер – частые гости нашего гранд-отеля, и у них есть все причины беспокоиться за дочь. В противном случае я бы ни за что вас не потревожила.

Несколько мгновений все молчали, а потом инспектор повернулся к Джошуа:

– Вы занимаетесь охраной, господин Оберсон. Может быть, вы обратили внимание на нечто необычное? Что-то показалось вам странным?

– Вы про это утро? – поинтересовался Джошуа, пытаясь усмирить свое сердце, которое стучало как сумасшедшее.

– И про прошлые дни. Про все, что могло показаться вам подозрительным.

– Да ничего такого и не было, если не считать пробуждение на полу ванной нагишом! – принялся дразнить Шамину.

– Нет, не думаю, что я могу вам помочь. Я не заметил ничего из ряда вон выходящего, – выдал Джошуа, даже не моргнув глазом.

– Подумайте хорошенько, Джошуа, мисс Александер – юная девушка. Возможно, на нее непристойно пялился постоялец или член персонала? Или вы слышали какую-то неловкую фразу, с ней связанную?

– Боже мой! Вы же не станете думать, что дело связано с чем-то безнравственным? – с отвращением произнесла миссис Делейн. – Я заместитель директора этого заведения и могу вас уверить, что все работники проходят строжайший отбор...

– Я пока что ни о чем не думаю. Я задаю вопросы, это моя работа.

Джошуа не знал, что ответить. Он встретился взглядом с миссис Делейн. Та смотрела на него сурово. Джошуа вдруг ясно представил, как бармен в черном пиджаке подает ему какой-то знак. Что это за человек? У Джошуа создалось впечатление, что они знакомы. Он как-то связан с исчезнувшей девушкой?

– Мне ничего не приходит на ум, – наконец вымолвил он. Повисла пауза, и он решил, что надо закончить мысль: – Мисс Александер часто проводила время с родителями. Как мне показалось, она была совершенно обыкновенным подростком.

Голубые глаза инспектора рассматривали его – словно два радара, сканировавших темную пропасть.

– Есть проблема, месье Оберсон, – произнес он, нахмурившись.

– Проблема? Что вы хотите сказать?

Инспектор указал жестом на лицо Джоша:

– У вас идет кровь.

Джошуа инстинктивно поднес руку ко лбу. По виску горячей дорожкой бежала вязко-жидкая субстанция.

– Я упал, – сказал он и принялся искать платок или салфетку. – Полагаю, уже настала пора наведаться в медпункт.

Инспектор, все еще пристально рассматривавший его, помолчал, а потом произнес очень мягким голосом:

– Мы еще увидимся, господин Оберсон. Обязательно увидимся.

Рана послужила прекрасным предлогом, чтобы уйти из гостиной и выиграть немного времени. Но она же бросила на него тень сомнения, он стал подозреваемым в глазах инспектора. Вся эта ситуация начинала его волновать. Настало время вернуть память. Только так он сможет отвести от себя подозрения и наконец собрать все кусочки своей личности воедино. Он работает здесь уже очень давно. Сложно было понять, сколько именно, но буквально все казалось ему знакомым. По пути в медпункт он воспользовался служебной лестницей, пересек огромную кухню, даже не задумавшись, куда идет.

– *Да все в порядке, ты дома!* – сказал Шамину. Кэтрин Александер... это имя вызывало в памяти образ милой девушки с застывшей улыбкой (фотография на удостоверении личности), а также дату: 5 января 1962 года. Что бы это все могло значить? Он наверняка успел просмотреть досье клиентов отеля, когда стало известно об исчезновении. Итак, если эта дата была датой рождения девушки, и они справляли ее совершеннолетие накануне... Джошуа ускорил шаг, чтобы поскорее добраться до помещения с наборами первой помощи и лекарствами для служащих отеля. Но его тревожило не ранение. Зайдя в комнату, Джошуа посмотрел на стену, на которой висел календарь. Январь 1980 года. Дата совпадала: Кэтрин Александер исполнилось 18 лет. В этот момент живот Джошуа скрутило от тревоги, а за ним прихватило и сердце. Ему пришлось сползти по стене вниз, чтобы сесть на пол.

– *Дыши, болван! Дыши! Еще нам только инфаркта не хватало!* – завопил Шамину внутри головы. 1980 год... с этой датой было что-то не так. Совсем не так, и он чувствовал это. Его скрутило в узел, он прижал одну руку к груди и все пытался сделать вдох, но на легкие будто давил тяжелый груз.

Родилась 5 января 1962 года, училась в Стокгольме, отец – хирург, специализируется на урологии, мать – стоматолог, учеба без происшествий... Куча разрозненных воспоминаний вихрем пролетели в его голове, и он никак не мог понять их значения. Но досье не упоминало таких деталей... Откуда же тогда воспоминания? Джошуа взялся за голову обеими руками, чтобы удержать поток мыслей. Рана снова начала болеть. Нужно было разобраться с ней, нужно было взять ситуацию под контроль. Он встал на ноги, чтобы нащупать чемоданчик со средствами первой помощи между двух коробок на шкафчике. Внутри лежал антисептик, вата, бинты – все, что нужно, чтобы обеззаразить рану и придать лицу нормальный вид. Пока что в зеркале на стене рядом с календарем отражалось не очень приятное зрелище. Порез выглядел дурно и требовал трех-четырех стежков. Вероятно, придется попросить отгул, спуститься в город и сходить к медикам.

Монтрё... Название вдруг пришло ему в голову. Так вот где он находился! Горы, озеро, шале внизу... все сходилось. Отель «Аваланш» располагался на большой высоте, недалеко от поселения Ко. Да, похоже на то. Джошуа удовлетворенно улыбнулся. Он наконец снова контролировал происходящее, все должно было наладиться в самом ближайшем времени. К нему вернется память, он потребует встречи с полицией, чтобы освободиться от подозрений, и продолжит вести свою обычную жизнь сотрудника службы безопасности. Занятый мыслями, Джошуа вдруг заметил небольшое окошко в противоположной стене. Служебные помещения располагались на цокольном этаже отеля, построенном благодаря перепаду высот. С его места не был виден потрясающий пейзаж, открывавшийся из номера 81. Слой снег закрывал большую часть окна. Оставалось несколько прорех, через которые проникал солнечный свет. Джошуа несколько раз моргнул, чтобы убедиться в том, что не спит. За снегом и льдом на стекле виделось улыбающееся лицо бармена, смотревшего прямо на него.

Он быстро убрал чемоданчик на место и поспешил наружу, вышел в длинный служебный коридор и пошел по нему. Через несколько десятков метров он увидел запасный выход, ведущий наружу. Без колебаний толкнул поручень и почувствовал, что дверь сопротивляется. Что-то мешало с другой стороны. Он толкнул дверь плечом, и ему удалось сдвинуть слой снега. Ледяной ветер немедля ворвался в помещение. Джошуа был одет в костюм и ботинки, то есть совершенно не готов к походу в снежное безмолвие, но поймать увиденного в окно человека стало чем-то вроде необходимости. Тот был каким-то образом связан с интеллектуальным хаосом, в который Джошуа погрузился, придя в себя. По меньшей мере, он должен был знать человека, способного прояснить ситуацию. Его ноги ушли в снег сантиметров на тридцать, стоило лишь сделать шаг из подземелий отеля наружу, на длинный балкон, ограниченный железными перилами. Впечатляющий снежный покров через равные промежутки нарушался белесыми наростами – с другой стороны перил были поставлены лавочки, чтобы любоваться пейзажем. День двигался к концу, холодный ветер залезал под рубашку и словно проникал под кожу. Джошуа дрожал всем телом.

– Мы загнемся, если останемся здесь, – пожаловался Шамину. Но Джошуа уже смотрел вправо. Последняя лавка на краю террасы, чуть впереди, была обрамлена двумя деревьями и терялась в широких ветвях. Мужчина сидел, устремив неподвижный взгляд в сторону открывавшегося вида, замерзший наблюдатель в минималистском черно-белом антураже. Джошуа почувствовал, что по спине бежит холодок, и стал пробираться по нетронутому слою снега, вздрагивая от холодного дыхания зимы. Пока он добрался до лавки, ноги стали казаться буквально неподъемными, а пальцы начало опасно покалывать. На лавке и правда сидел тот самый человек, именно его Джошуа увидел в окошке, бармена с застывшей улыбкой. *«Голова как луковичка,»* – прокомментировал Шамину.

В миндалевидных глазах бармена отражались горы, растянувшиеся напротив отеля бесконечной грядой.

– Красиво тут, – сказал он высоким голосом, мало вязавшимся с его грубоватым деревенским видом.

Джошуа подошел вплотную и сел на скамью рядом с ним, подышал в ладони, чтобы согреться.

– Мы знакомы? – наконец спросил он через несколько секунд.

– Да! – широко улыбаясь, ответил мужчина.

Что-то в его лице сбивало Джошуа с толку. Возможно, его черты были слишком крупными для маленькой головы или вся суть дела заключалась в странной форме рта.

– Непонятно, почему ты удивляешься! – сказал он, поворачиваясь к Джошуа.

Джошуа почувствовал, как внутри ворочается то же неуютное чувство, которое он испытывал во время разговора с инспектором. Он знал имя этого человека, но что-то внутри его головы блокировало доступ к информации.

– Я не помню, как тебя зовут, – колеблясь, произнес он.

– Меня зовут Кловис, – ответил мужчина, не особенно удивляясь этому заявлению.

– Прости, Кловис, я... сейчас склонен забывать всякие вещи.

– Так на нас влияет это место, – сказал Кловис, опираясь широкой спиной на скамейку.

– Что ты имеешь в виду?

– Отель, конечно! Шесть месяцев в изоляции от мира в горах. Жизнь бок о бок с богатеями, которые осчастливливают нас визитом, а потом сваливают в свои мегаполисы. А мы остаемся здесь... и убираем за ними их грязь.

Сказав это, Кловис засунул гигантскую руку в карман пиджака и извлек пачку сигарет «Руаяль» и зажигалку. Он сделал длинную затяжку, только прикурив, и предложил одну Джошуа. Тот поблагодарил и отказался.

– Ты не куришь? – спросил Кловис с пораженным видом.

– Нет, никогда не курил, – без колебаний ответил Джошуа.

– Но твои коллеги курят поголовно, разве нет?

Джошуа не знал, как реагировать. Его что-то настораживало, хотя Кловис и казался мирным человеком. Из-за напряженного голоса каждое слово вдруг приобретало странную, тяжелую значимость.

– Да нет вообще-то, думаю, что не все, – бросил Джошуа, чтобы ответить хоть что-то.

Кловис глубоко затянулся и выпустил через нос облачко белесого дыма.

– А здорово покурить-то, – сказал он, устремляя взгляд в небо. – Ну ладно, что ты собираешься делать?

– Ты о чем? – искренне удивился Джошуа этому вопросу.

– Я про маленькую мисс Александер.

Кловис смотрел на него, слегка наклонив голову, его черные глаза заглядывали в самую душу. Он будто ждал ответа, от которого будет зависеть какое-то очень важное решение.

– Ты ее знал? – спросил Джошуа, уходя от ответа.

– Ну конечно! С тех пор, как она была совсем малышкой. Ее родители приезжали на курорт каждый год. Я видел, как девочка растет. Она была самым настоящим белокурый ангелочком.

– Так ты уже давно работаешь в отеле?

– Пятнадцать лет безупречной службы, – гордо ответил тот. – Я добился всего, вкалывая в поте лица.

– А я? Не припомнишь, с каких пор я тут пашу?

– Ты? Ты же здесь не работаешь!

Джошуа почувствовал, как в груди что-то екнуло. Рана на голове снова начала пульсировать, и он вдруг остро почувствовал, что замерзает.

– Что ты имеешь в виду?

Лицо Кловиса вдруг превратилось в маску и стало напоминать страшную обезьянью морду. Огромная улыбка рассекла его слишком маленькую голову.

– Пойдем со мной, ты все поймешь, – сказал он, поднимаясь на ноги.

Джошуа мгновение поколебался, а потом все-таки последовал за этим великаном. У него не было выбора. Он хотел обрести память и готов был за это заплатить.

Он шел за гигантом с луковичной головой вдоль нескончаемого балкона, опоясывающего южный фасад здания. Винтовая лестница привела их на парковку, принадлежавшую отелю. Джошуа поскользнулся на льдинке и растянулся ничком.

– *Да почему ты идешь за этим типом?!* – завопил Шамину внутри его головы. Кловис наклонился, чтобы помочь ему. Джошуа почувствовал, как огромная сила тянет его вверх и ставит на ноги. Они вместе поднялись по заасфальтированной дороге, змеившейся между пихт, засыпанных снегом. На горы медленно опускалась ночь, и Джошуа уже видел, что в городе у подножья зажигаются огни. Они находились в жалкой дюжине километров от Монрё, но Джошуа казалось, что они остались одни в целом мире.

– Красота, да уж! – сказал Кловис и стал взбираться по крутой дороге с удвоенной энергией.

Джошуа бросил взгляд на свои ботинки: они были до краев полны ледяной воды. Он не чувствовал пальцев ног вот уже черт знает сколько и теперь задался вопросом, не отморозит ли он себе их.

– Мне нужно вернуться, – пробормотал он в спину гиганту. – Ноги ледяные.

Кловис остановился как вкопанный и бросил на него взгляд, в котором, кажется, можно было различить смертный ужас.

– Ты же не бросишь меня тут в одиночестве? – спросил он дрожащим голосом.

– Делать нечего, давай пойдем туда попозже. Может быть, завтра утром?

– Слишком поздно. Есть вещи, которые нужно делать в определенное время. Понимаешь? В ОПРЕДЕЛЕННОЕ ВРЕМЯ.

В этот момент он наклонился к Джошуа, и лицо гиганта вдруг показалось еще более ужасным.

– Тогда хотя бы скажи мне, куда мы идем.

– Увидишь, мы уже почти на месте, – бросил Кловис и пошел вперед.

Они миновали таким образом еще несколько сотен метров, пока не вышли на площадку, возвышавшуюся над отелем «Аваланш» и долиной у его подножия. Прямо перед ними стояло несколько деревянных строений: хижины, старые овчарни. Дорога оканчивалась тупиком. Кловис направился напрямик к полуразвалившемуся сараю и махнул рукой в направлении ступеней, вырубленных прямо в земле. Они поднимались, по всей видимости, к тропинке, ведущей к высокогорному пастбищу.

– Я не дойду, Кловис! – воскликнул Джошуа. – Слишком скользко, посмотри.

Он поставил ногу на слой снег, покрывавший первую ступеньку.

– Я тебя держу, – ответил гигант и взял его за руку.

У Джошуа не осталось времени даже на протесты. Он почувствовал, что его тянут вперед. Дневной свет начал слабеть, и, принимая во внимание изолированность этого уголка природы, можно было предполагать, что скоро они останутся в полной темноте. Джошуа попытался вырвать руку из лапы Кловиса, но хватка была слишком сильна. Джошуа только и мог, что идти следом, иначе его бы потащили, как мешок с картошкой. Кловис же сделал вид, что не слышит протесты, и не отпустил его до самого конца тропинки. Они стояли на плато, засыпанном нетронутым слоем снега. Впереди, чуть выше, начинался широкий лесной массив, забравшийся по склону до самой верхушки горы. Джошуа почувствовал, что холод заползает по щиколоткам и уже подбирается к голеням.

– Я же говорил, что ты тут загнешься. Сдохнешь от холода в одиночестве на этой проклятой горе.

Джошуа собрал последние силы, чтобы прокричать, что пойдет в отель, но тут наконец-то заметил гигантский силуэт впереди. Тот походил на огромного осьминога, раскинувшего щупальца, – сеть труб, переплетавшихся по всей высоте склона. Кловис же смотрел на трассу для бобслея (а это была именно она) радостными глазами.

– Вон там! Пошли! Да не тормози!

В десятке метров перед ними стояло маленькое кирпичное здание. Перед ним в снегу были прорублены ступеньки наверх, к началу трассы.

– Но что мы тут забыли? – прокричал Джошуа.

Кловис ему не ответил и быстрым шагом направился к полю. На протяжении одного долгого мгновения Джошуа раздумывал о том, чтобы вернуться на тропинку, ведущую к отелю. Кловис ушел достаточно далеко и не смог бы ему помешать. Это была единственная возможность спастись от обморожения. Но что-то внутри него не хотело уходить. С момента пробуждения в номере 81 Джошуа чувствовал, что все идет не так, а Кловис мог дать ему хоть какие-то ответы, пускай и самые невероятные.

Он повернулся к горе, подышал на замерзшие ладони и напряг мышцы, чтобы следовать за своим таинственным гидом. Через несколько минут Джошуа достиг маленького служебного здания, стоявшего около трассы для бобслея, и взобрался по ступенькам к двери. Он надеялся, что внутри будет тепло.

Кирпичный дом состоял из двух комнат. Главная оказалась раздевалкой. Она была заставлена шкафчиками из ржавого железа, скамейками и рядами вешалок. На одной из них уже висел пиджак Кловиса. Джошуа увидел, как тот осторожно открывает дверцу и достает теплые вещи.

– Оденься! – бросил ему Кловис, держа в руке лыжные брюки и серый пуховик с капюшоном.

– Чьи это вещи? – спросил Джошуа.

– Для начала, они твои. И я бы посоветовал в них переодеться, потому что в пункте твоего назначения не жарко.

Кловис застегнул брюки, пытаясь заправить края рубашки внутрь.

– Я не понимаю. Зачем ты меня привел сюда? Что это за место?

– Это?! Это же олимпийская трасса, построенная для Игр 1976 года. Ты их не помнишь? В отеле тогда остановился весь высший свет, толпа народу... Мы думали, что не переживем зиму, столько всего навалилось.

– Ты же мне сказал, что я не работаю в отеле.

– Все верно, но я же не говорил, что ты не знаешь его историю. Ты ее знаешь – и очень хорошо, – ответил Кловис с той самой странной улыбкой, которая перечеркивала его лицо от края до края.

– Этот парень спятил! Хоть сейчас в психушку, – очнулся от спячки Шамину, и Джошуа не нашелся с ответом, опровергнуть это он не смог. Он посмотрел несколько мгновений на вещи, которые ему выдали. Казалось, что размер должен ему подойти. Джошуа решил раздеваться. «Прекрати следовать за безумцем, не то сам таким станешь,» – сказал он себе. Кловис уже застегивал молнию на парке.

– Если я не работаю в отеле, то почему у меня бейдж на имя охранника? Посмотри, – предложил он Кловису и протянул ему карточку, висевшую на пиджаке. – Это же я на фотографии. Ты меня узнал?

Кловис наклонился, чтобы рассмотреть черно-белое фото.

– Да, это ты. Сотрудник службы безопасности... восхитительно.

– Восхитительно?

– Я говорю, это хорошая идея.

Он замолчал и поднял рукав пиджака, чтобы посмотреть на часы.

– Ого! Надо спешить, иначе опоздаем.

– Опоздаем куда?!

– Я же уже тебе сказал, есть вещи, которые следует делать в определенное время. Жду тебя наверху.

Без единого лишнего слова он развернулся и пошел в темноту кабинета, прилегавшего к раздевалке. Джошуа услышал, как стукнула дверь, а гигант стал спускаться по металлическим ступенькам. Оставшись в раздевалке один, Джошуа вдруг почувствовал, что холод усилился и теперь пытался проникнуть еще глубже, заморозить все его тело. Он снял ботинки, чтобы помассировать пальцы ног, и вихрь покалываний, будто от тысячи иголок, почти заставил его кричать. Циркуляция крови мало-помалу восстанавливалась. Он надел лыжные брюки, шерстяной свитер, обнаруженный в шкафчике, а также пару утепленных ботинок, которые нашел под лавкой. Вся одежда села на него как влитая, включая парку. Ее он застегнул аж до подбородка. «В пункте твоего назначения не жарко». Что бы это могло значить? Джошуа чувствовал, что скоро обо всем узнает – так или иначе.

Выйдя из здания и направившись вперед, он взобрался на маленькую площадку, возвышавшуюся над трассой для бобслея. Под ним начинали расползаться ледяные щупальца, стремившиеся к низу долины. От их движений кружилась голова. На площадке в полной готовности стояли двое саней.

Кловис возвышался у первых, внимательно посматривая на часы.

– Я выезжаю через минуту. Залезай в другие сани.

– А что, мы едем не вместе?

– Конечно нет! Мы направляемся в разные стороны!

Разные стороны? И тщетно Джошуа вглядывался, трасса нигде не разделялась, а следовательно, у них не было ни единой возможности приехать не в одну и ту же точку.

– Тридцать три секунды... когда я уеду, досчитай до двадцати и трогайся, ладно?

Джошуа кивнул, чтобы показать, что все понял.

– Это очень важно! До двадцати, ни секундой больше!

– Есть вещи, которые нужно делать в определенное время, я помню, – сказал Джошуа, чтобы успокоить Кловиса.

– Я вижу, ты понял... Семнадцать. Настала пора прощаться. Прощай, Джошуа, и спасибо за все, что ты для нас сделал.

– Нас? О ком ты говоришь, Кловис?

– Девять... Ты поймешь чуть позже. Шесть... Кловис схватил стальные сани огромными руками и начал толкать их к склону, а потом забрался внутрь.

– Три... Делай как я! И закрой глаза!

– А ты-то куда едешь? – прокричал Джошуа.

– В ночь.

Через мгновение маленькая красная колесница Кловиса скатилась по склону и испарилась, как будто ее и не существовало вовсе. Джошуа напряг слух, чтобы уловить шум от спуска, но ничто не нарушало бесконечную темноту, поглотившую горы.

– *Двадцать... Девятнадцать... Восемнадцать...* – считал голос Шамину в его голове. Он действительно должен был следовать инструкциям Кловиса и ехать за ним по незнакомому маршруту? Если судить по перепаду высот, трасса будет сложной и быстрой, а он не имеет ни малейшего опыта в бобслее. – *Тринадцать... двенадцать... одиннадцать...* – После пробуждения в ванной комнате его всю дорогу преследовали странности. У Джошуа вдруг сложилось впечатление, что он оказался в пирамиде со стенами, покрытыми иероглифами, в которых он

совершенно не разбирался. Ему не хватало ключа от этого шифра, Розеттского камня³ Шампольона, чтобы мир наконец сделался чем-то цельным и ясным. Мало было надежды и на то, что ключ обнаружится внизу этой безумной трассы для бобслея. Джошуа чувствовал, что и без того уже отправился в путешествие, которое ему не по силам. – *Семь... Шесть... Пять...* – Джошуа схватил холодную сталь саней и напрягся изо всех сил, чтобы столкнуть их с места. Они поехали на удивление легко, он как можно быстрее запрыгнул внутрь и улегся. – *Три... Два... Один,* – услышал он, сворачиваясь внутри. Сани доехали до края пропасти и полетели в темноту.

Сначала пришло чувство скольжения по черно-белому туннелю, потом – давление неизвестной массы на каждую клетку его тела. Джошуа спускался по невидимой трассе, не зная, куда она ведет, вниз или вверх. Он плохо ориентировался в пространстве и чувствовал себя будто под катком, несущимся в сторону страшного урагана, где понятие гравитации переставало существовать. Его голова обо что-то ударилась, и он вдруг почувствовал, что вокруг холодно, как на Северном полюсе. Он ощущал каждую молекулу внутри своего тела, и кровь, омывающая его вены, пульсировала подобно символу надежды посреди ледяной пустоты его путешествия. Через какое-то время все его внутренности трянуло так, что им завладело нестерпимое чувство тошноты, и струя желчи вырвалась из его рта и полетела к небу, попирая законы физики.

Ему понадобилось несколько минут, чтобы понять, что он больше не движется, а лежит на земле и смотрит на темную подрагивающую пустоту. Он боялся, что сойдет с ума, предельно четко ощущая, как его разум пытается взять верх над разболтавшимся восприятием. Его зовут Джошуа Оберсон, он – сотрудник службы безопасности в отеле «Аваланш». Только что он, по всей видимости, совершил падение в гигантский туннель, к которому его притащил Кловис. Его глаза тщетно искали хоть какой-нибудь ориентир. Подняв веки, он почувствовал нестерпимое жжение на роговице и снова погрузился во тьму. В этот же момент он понял, что не может пошевелить ни единой частью тела. Конечности казались ему чем-то отдаленным, и он не понимал, существуют ли они вообще. Рот, нос и уши – лишь слабая тень ощущения. Сердце в его груди едва билось – так медленно, что после каждого удара он задавался вопросом, не умер ли. Его разум показывал картину, на которой человек лежал на столе, а питание подавалось ему по тонким трубочкам. Вот кем он стал, овощем с разорванным спинным мозгом, паралитиком – или человеком с синдромом изоляции. Он захотел расплакаться, но слезы показались ему огненными каплями, прожигающими веки. А потом он понял, что не один. Вокруг него была огромная масса чего-то странного, которая давила на него, как ботинок давит на муравья. Давление было столь мощным, что он не сомневался, что его расплющит, он превратится в жалкие кровавые ошметки, во внутренности, висящие в пустоте. Он понял, что умрет, и воспринял это с облегчением. Он захотел этого так сильно, как ничего раньше не хотел в своей жизни. Самым страшным для него было существование только на уровне сознания, не облаченной в физическую форму мысли. Джошуа чувствовал, что и сама мысль скоро угаснет, как угас весь его организм. Ожидая конца, он не обращал внимания на то, что над ним раздается какой-то шум. В его голове несколько картинок держались до последнего – ветка вишневого дерева, портрет светловолосой девушки с нежным взглядом. Звуки стали громче, и что-то легко коснулось его лодыжки. Он даже не понял, что это было и зачем. Он хотел отправиться душой и телом в финальное ничто, чтобы боль наконец прекратилась и он смог отдохнуть. Спустя мгновение его глаза уловили яркий белый свет, который давил на веки, призывал бороться. Он постарался открыть глаза, но тут же испугался, что их обожжет. Ему

³ Стела, найденная в 1799 г. в Египте в г. Розетта, с выбитыми на ней тремя идентичными текстами, один из которых – на дневноегреческом – стал отправной точкой для расшифровки двух других, начертанных египетскими иероглифами. 1822 г. Жан-Франсуа Шампольон, французский востоковед, осуществил расшифровку Розеттского камня (*прим. коррект.*).

все-таки удалось это сделать, и его нервы вдруг подключились к мозгу. Он увидел, что из света надвигается темная масса. Он различил руку в перчатке и мужской голос, повторявший, что он спасен. Он сказал себе, что предпочел бы умереть.

Когда он снова открыл глаза, то увидел белые полосатые плитки на натяжном потолке, посреди которого была установлена длинная рампа с желтоватыми светодиодами. Глаза неприятно жгло и покалывало, он чувствовал, что по щекам текут слезы. Приложив значительные усилия, он все же смог повернуть голову набок. Судя по всему, он находился в больничной палате. Вторая койка, расположенная в нескольких метрах от него, пустовала. Ему в голову пришла дурная идея сесть, и его внутренности тут же скрутило ошеломляющей болью, будто ударили ножом под ребро. Из его легких вырвался хрип, и он почувствовал сильный спазм. Он принялся дышать глубоко, чтобы успокоить боль. Понемногу она отступила, и он смог приподняться на локтях. Его руки и ноги были закрыты гипсом. Он не мог пошевелить ни одним пальцем. Он тяжело вздохнул, испытав секундный ужас от одной только мысли, что потерял их, отморозил. Этот кошмар рассеялся лишь после того, как он понял, что в целом реакции его тела нормальны, не считая ощущения постоянного холода, которое не покидало его ни на мгновение. Он окинул палату взглядом и заметил телевизор с плоским экраном, закрепленный на кронштейне. Отражение в черном экране показывало ему несчастного, страдающего, истощенного человека. Что же с ним приключилось? Ему вспомнился Кловис, трасса для бобслея, стальная колыбель саней. Он ведь наверняка слетел с трассы, пока мчался по ней с огромной скоростью! Еще чудо, что жив остался и к финишу приехал не по частям! Его мысли прервала распахнувшаяся дверь. В палату вошла молодая женщина лет тридцати, закутанная в парку цвета хаки. Роста она была выдающегося, с круглым лицом. Места в палате сразу стало меньше. На ее лице выделялись глаза – цепкие, как у куницы, и широкий нос. Высокий лоб был обрамлен светлыми неаккуратными локонами, спускавшимися на широченные плечи.

– Твою мать, да ты очнулся! – воскликнула она и, быстро оказавшись у койки, заключила его в медвежьи объятия. Целое мгновение он не сомневался в том, что она его удушит, настолько мощными оказались ее руки.

– Си... Сивилла? – колеблясь, спросил он.

– Ну а кто ж еще, мой дорогой! Я поклялась, что не оставлю тебя ни на минуту, пока ты не придешь в себя!

Джошуа не особенно помнил эту женщину, но ее присутствие, ее невероятная сила успокаивали его.

– Пора бы тебе прекращать выкидывать такие коленца! Какого хрена ты потерял в горах, дурачок? Кто же едет туда в одиночку, а?

Ее низкий голос, все эти выражения, больше уместные для грузчика, о чем-то ему напоминали. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами – в ее случае глаза превратились из точек в узкие щели почти во всю ширину лица. Джошуа внезапно почувствовал пустоту в груди. Шамину с его простуженным голосом исчез... исчезло и что-то еще, но он никак не мог понять, что именно.

– Ты дар речи потерял? – спросила Сивилла, одновременно поднимая простынь, чтобы посмотреть на него. Под простыней он был голый. – О, господь милывал, тут все в порядке, хозяйство на месте.

Наверное, ему следовало бы оскорбиться на эту шутку ниже пояса, но радость этой женщины вселяла в него уверенность. Каким-то образом теплота ее эмоций заполняла пустоту, образовавшуюся под воздействием холодного чувства утраты.

– Ну, алё! Ты мне расскажешь, что случилось, или начинать допрос по всем правилам? Да нет, без шуток, я счастлива тебя видеть. Сам понимаешь, что тебе повезло выжить, ну.

– Я не знаю... я не могу вспомнить, вообще...

– Ты хоть имя свое помнишь? Или будешь представляться Джейсоном Борком?

– Джейсоном Борном, – машинально поправил он. – Нет, не настолько. Меня зовут Джошуа Оберсон.

– И ты полицейский. Помнишь?

Полицейский? В голове закрутились мысли.

Специалист службы безопасности. Полицейский. «Ты? Ты же здесь не работаешь», – сказал Кловис, издевательски улыбаясь.

– Джошуа Оберсон, лейтенант полиции в кантоне Во! – продолжила Сивилла, и ее широкая улыбка обнажила ряд идеальных зубов. Джошуа в ответ кивнул:

– Да-а, я припоминаю. Что же случилось?

– Ты поперся решать дела в одиночку, как обычно! Пошел по пересеченной местности несмотря на угрозу снежной бури. А это вообще не лучшая идея – взбираться на Роше-де-Не в одиночку! Ну и конечно, сошла лавина. Ты полкилометра пролетел, пока не приземлился задницей на снег.

Отель «Аваланш». Монограмма, идеально вышитая на полотенцах в ванной, обрела совсем другое значение. *Странноватое название для отеля, да? И неспроста!*

Джошуа машинально поднял руку ко лбу и тут же нащупал широкую корку спекшейся крови.

– Док сказал, что голова немного поболит. Что, припекает?

– Нет, – сказал он, пытаясь собрать мысли воедино, осторожно выбирая, что спросить следующим. – А какой сейчас год?

– Ты что, в дурачка со мной играешь? Сегодня 3 января 2018 года. Ты точно в порядке?

И как Джошуа было на такое отвечать? Лавина заставила его пересечь время. Хорошо, пускай пребывание в отеле было не более чем сном, но все же... Джошуа не мог отрицать, что упускает из виду что-то очень важное.

Он видел перед собой какое-то инопланетное создание – сплющенное, стоящее на собственном хвосте, свернутом в круг. Его липкая морда с черными лживыми глазками тянулась вперед.

– Гиппокамп, от греческих слов *hippos* и *kampus*, обозначающих понятие «морской конек». Это часть вашего мозга.

Сивилла стояла с отвисшей челюстью и выглядела так, будто готова была пасть на стол доктора Гумберта. И дело было не в том, что она заскучала от лекции по строению коры человеческого мозга, которую он ни с того ни с сего решил прочитать. Складывалось впечатление, что Сивилла пала жертвой его симпатичного лица и зеленых миндалевидных глаз.

– Венецианский анатом шестнадцатого века первым сравнил эту часть мозга с морским коньком, когда ее наконец отделили от основы. И действительно, формой гиппокамп немного напоминает это создание.

Джошуа смотрел на нейрохирурга глазами кролика-альбиноса. После пробуждения он только и делал, что плакал, а яркие лучи ламп, развешанных в кабинете доктора рядом с томографом, и темнота за ними заканчивали сходство с ночным клубом.

– Возвращаясь к нашей теме, можно добавить, что именно этот раздел мозга слегка пострадал, – сказал доктор, показывая на снимок синего цвета, вся поверхность которого была однотонной, не считая концентрического круга небольшого размера, пульсировавшего красным.

– Это опасно? – спросил Джошуа, сжимая кулаки. Он снова начал чувствовать пальцы и очень гордился этой маленькой победой.

– Если принимать во внимание падение с высоты в пятьсот метров, удар головой, а также несколько тонн снега и общее переохладение организма... можно сказать, вы легко отделались!

Сивилла издала влюбленное курлыканье и захлопала глазами, не сводя взгляда с милого доктора.

– Давайте отложим в сторону обморожение и легкий ожог роговицы. В целом, больше всего от переохлаждения пострадал ваш мозг. Если голову подвергать воздействию холода, межклеточный метаболизм мозга замедляется. Проблемы появляются, когда температура приходит в норму. Мозг хорошо омывается кровью. Резкий скачок температуры приводит к расширению тканей, и вот поэтому мы наблюдаем небольшие повреждения в области гиппокампа.

– Ладно, доктор, я не понял, ЭТО ОПАСНО?!

Джошуа почувствовал внезапную вспышку гнева. Гумберт объяснял ему какие-то термины вместо того, чтобы успокаивать.

– Да нет, в долгосрочной перспективе не опасно. Но эти повреждения объясняют спутанность сознания. Именно в гиппокампе формируются кратковременные воспоминания. Лишь потом они становятся долговременными, синхронизируясь с корой головного мозга. Так что совершенно нормально, что вы не помните недавних событий – и даже своего прошлого.

– А тот сон? Он мне казался реальным.

– Вот здесь мы уже заходим на территорию загадок памяти. Видите ли, воспоминания в гиппокампе подобны кораблям на реке. Ночью они отдают швартовы и медленно двигаются к выходу из гиппокампа, чтобы попасть в кору головного мозга. Это в буквальном смысле следы пережитого опыта, они заходят в нашу память надолго, чтобы сформировать причудливую вязь воспоминаний, которую мы осознаем, когда бодрствуем и когда спим.

Сивилла посмотрела на него с восхищением. Она явно находила речь доктора весьма интересной.

– Вы хотите сказать, что этот сон состоял из воспоминаний?

– Из воспоминаний, из впечатлений, из кратких мгновений и ощущений. Все это и составляет вашу память. Огромный меняющийся массив, каждую ночь забытье пытается его уничтожить, каждую ночь мы видим какие-то детали и восхищаемся ими.

Что касается вас, переохлаждение ввело вас в состояние глубокого сна. Ваш случай чем-то напоминает мне переживания людей, описывавших свою смерть. Наверное, вы слышали о свете в конце туннеля и чувстве, что вас кто-то ждет. Это тоже нечто вроде сна. Можно объяснить проще. Это программа, которая запускалась в случае необходимости, чтобы снять напряжение с вашего головного мозга.

– Вы так красиво объясняете, – произнесла Сивилла, сделав губы бантиком.

– Жуть просто, ага! А что с моими повреждениями? Они не пройдут? Я верну себе память? – спросил Джошуа, скрипя зубами.

– Ну конечно! Нейроны гиппокампа обновляются всю нашу жизнь, причем с большой скоростью. Почти семь процентов воспроизводятся каждый день, представьте себе! Именно этот процесс позволяет записывать новые воспоминания в мозг. Так что не стоит волноваться, это всего несколько тысяч поврежденных клеток, они не мешают вам наслаждаться жизнью. Разве только вначале не стоит заниматься лыжным спортом.

Доктор издал смешок, явно очень довольный собственной шуткой. Джошуа окаменел, а Сивилла принялась хохотать – громче, чем надо. Она переигрывала. Джошуа метнул в ее сторону тяжелый взгляд и уставился на снимок, на котором было расписано содержимое его черепной коробки. Если этот морской конек и вправду был таким гибким, то приключения внутри отеля «Аваланш» и провал под две тонны снега вскоре окажутся дурным воспоминанием. Однако сейчас что-то внутри головы не давало ему покоя, шептало в нос, словно Шамину: *«Мальши, все не настолько просто...»*

Несколько дней спустя Джошуа уже двигал руками, хотя некоторые движения выходили несколько скованными. Глаза наконец перестали болеть. Следуя советам врачей, он постоянно носил солнечные очки – будто звезда, пытающаяся избежать пристального внимания поклон-

ников. Этот январь в кантоне Во, судя по прогнозам, должен был побить рекорды отрицательных температур. Небо постоянно скрывалось за серыми тучами, а редкие солнечные лучи не причиняли Джошуа беспокойства и уж точно не могли стать причиной глазных мигреней, о которых Джошуа предупреждали врачи. Больничный центр «Ривьера» находился на высоте мирного городка Веве, расположенного на берегу озера Леман – всего в пятнадцати минутах езды на поезде от Лозанны. Прошла целая неделя, полная беспрестанных осмотров и контрольных тестов, прежде чем медики (возглавляемые доктором Гумбертом) разрешили Джошуа покинуть центр и вернуться к себе. Его физическое состояние оценивалось как удовлетворительное, а что до повреждений в мозге – те должны были исчезнуть со временем. А может быть, и нет. Подводя итог – Джошуа не запомнил ничего из событий, предшествующих сходу лавины, зато с ним осталось чувство лютого холода. Сивилла навещала его почти каждый день, и он наконец вспомнил, что она его напарник, а еще – отличная девчонка, несмотря на ужасный словарный запас и грубоватые манеры. Именно она приехала за ним в день выписки и отвезла в современную квартиру неподалеку от фуникулера, ведущего на Мон-Пелерин. Они поехали по берегу озера Леман, и Джошуа был очарован пейзажем, даже несмотря на грязно-серое небо. Расположенная между горами и Леманом, Швейцарская Ривьера была раем на Земле. Во всяком случае – в том смысле, в котором рай изображали на обложках журналов. Джошуа, будучи полицейским, хорошо понимал, что местные, как и везде, стараются не выносить сор из избы. «Заметают дерьмо под коврик», – с ангельской улыбкой говорила Сивилла. Она была права, но в эту зимнюю субботу, рассматривая беспокойные воды озера, Джошуа очень хотел верить в то, что жизнь прекрасна. В конце концов, он пережил сход лавины, а это давало отсчет новой жизни.

– Да ну нафиг все эти разговоры про околосмертный опыт, – сказала Сивилла.

Джошуа был с ней абсолютно согласен! Он видел сон, находясь за шаг до неминуемой гибели. Этот сон решил многое. Странное чувство жило теперь у Джошуа внутри. Каждая его клеточка чувствовала важность данного опыта и кричала: «ТЫ ВЫЖИЛ!» Надо было срочно придумать какой-то смысл для этого чувства, и Джошуа решил, что его жизнь улучшится. Джошуа Оберсон, маленький человек, лейтенант в полиции Веве, мог стать кем угодно, если того желала его душа. Он мог стать музыкантом – ведь Джошуа всегда любил поиграть на гитаре – и выступить на сцене джазового фестиваля в Монтрё, подчиняя своенравные риффы себе, сыграть дуэтом с Элтоном Джоном! Сивилла смотрела на него дикими глазами, а уголок ее рта загибался в улыбке.

– Наверное, зря они тебя выпустили. Ты пока что псих психом и есть.

Под веселую болтовню они добрались до пролета ступенек, который вел по склону холма к жилому комплексу. Вид, конечно, у него был не сногшибательный, особенно по сравнению с богатыми виллами и древними шикарными отелями, разбросанными тут и там. Однако это было комфортабельное, хорошо построенное здание, да и стояло оно ровно посередине между работой и центром города.

Сивилла помогла ему дотащить сумку – ее просто невозможно было вырвать из лап этой великанши, а потом попыталась придержать дверь в квартиру.

– Да ты меня за инвалида принимаешь, – возмутился Джошуа.

Его двухкомнатная квартира оказалась вполне знакомой. Гостиная и комната с видом на озеро – с двумя большими застекленными дверями и узким балконом. Открывавшаяся панорама – с озером и бесконечными Альпами вдаль – была просто великолепна. В ясные дни (но, конечно, не сегодня) из квартиры был виден сам Монблан.

У самого окна стоял стол с плоским экраном и впечатляющим системным блоком – набор заядлого геймера. На столе валялись бумажки и записные книжки, высились башни из папок с документами, тут и там виднелись газетные вырезки со строчками, выделенными желтым маркером.

– Я не помню этого! Я не мог оставить такой бардак!

– Ага-ага, теперь ты можешь вспоминать только то, что захочешь, – сказала Сивилла, выказывая тонкое знание психологии. – Слушай, тебе, кстати, не обязательно начинать пахать в понедельник. Док выписал больничный на месяц.

– Я знаю, но все равно хочу прийти в участок, – уверенно заявил Джошуа, уже принявший решение.

– Впервые в жизни тебе платят за то, чтобы сидеть ровно и не выделяться. Пользуйся случаем. Поиграл бы в свои дурацкие видеоигры. Ну, в ту, которая жрет кучу времени и где ты – эльфиечка с огромными глазами.

Джошуа всегда увлекался РПГ и проводил добрую часть свободного времени в виртуальных реальностях. Он отправлялся на квесты, спасал детей и вдов. С тех пор, как Джошуа открыл в себе эту запоздало-подростковую страсть, Сивилла все время над ним издевалась и не упускала случая лишний раз посмеяться. Однажды он зачем-то провел неделю отпуска, проходя аддон одной из культовых игр, а после этого в участке над ним ржали еще полгода.

– Нет, я думаю, что мне полезно вернуться на работу, повидаться с народом. Привести в порядок мысли.

– Ну хорошо, как ты захочешь, – ответила она немного раздраженно и направилась напрямиком к столу, заваленному папками. – А ты не сидел без дела.

– Это что? – Джошуа не имел ни малейшего понятия, что находилось в этих папках. Он даже не мог вспомнить, прикасался к ним или нет.

– Я ничего не знаю сама... кроме этого, – заверила Сивилла и взяла фотографию брюнетки лет тридцати с закрытыми глазами. Джошуа не мог разобрать, фото ли это во сне или фото трупа.

– Неизвестная из Не. Помнишь ее?

– Нет.

– Это девушка, которую туристы нашли на горе перед самым Рождеством. Только не говори мне, что ты поперся хрен знает куда и чуть не сдох ради этой истории!

– Уверю тебя, я понятия не имею. Я не знаю, почему был в горах.

Сивилла окинула его подозрительным взглядом:

– А нас ты тоже не помнишь?

– Нас? Что ты имеешь в виду?

– Мы потрахались перед тем, как ты угодил в лавину. Неплохо было.

Джошуа был застигнут врасплох. Ему очень нравилась Сивилла. Она была веселая, умная – а уж какой напарник! Но он совершенно не помнил, чтобы они флиртовали.

– Да я шучу, – сказала она, подмигивая. – Ну, до понедельника! Попробуй поспать хоть немного.

Поспать? После возвращения в реальность спать он перестал. Картины падения и чувство давления приходили каждый раз, когда он закрывал глаза.

– До понедельника. И спасибо за все, – сказал он, закрывая дверь за Сивиллой. Теперь в квартире он остался совершенно один. Большую часть выходных он провел на диване, выкрутив на максимум отопление. Джошуа хотел прогнать противное чувство холода, поселившееся у него в теле. Напрасный труд. Он лежал под теплым пледом, а вспоминал то время (по словам доктора, не более пары часов), когда огромная масса снега сдавила каждую клетку его тела и замедляла действие нейронов мозга. В больнице ему сказали, что лучше не сидеть на месте. Движение разогревало мышцы и помогало осознать, что он до сих пор жив. Джошуа провел несколько часов за разбором квартиры. Он прочесал мелким гребнем все, камня на камне оставил – впервые после переезда – и наконец влез в спортивный костюм и кроссовки, чтобы пробежать по берегу озера. Ледяной ветер проникал даже под шерстяные перчатки и напоминал ему о неприятном покалывании в кончиках пальцев, но, несмотря на это, сокращение мышц

тела наполняло его огромной радостью. Холод, отсутствие движения, темнота, оглушительная тишина – все это было смертью. Бег до потери пульса – лучше не придумаешь. Да, это была жизнь в самом грубом, банальном ее проявлении, но, черт возьми, это была жизнь! Пробежав десяток километров в бешеном темпе, Джошуа вернулся к себе. В ванной он разделся и уставился на себя в зеркало, совсем как в том сне. Он все еще был в приличной форме, несмотря на отсутствие регулярных тренировок. После обжигающего душа он выглядел как вареный рак, кожа местами даже покраснела. Он ущипнул себе в районе живота – ни малейшей складочки. Сивилла же, казалось, была сделана целиком из армированного бетона. Сам Джошуа так и не поправился, несмотря на килограммами поглощаемый фастфуд. Главная слабость – шоколад. И ему, конечно, не стало легче после переезда в Веве, город, знаменитый производителями шоколада, штаб-квартиру «Нестле». Именно эта компания создавала рабочие места для большей части местных жителей. Но все это было проблемой метаболизма. Кто-то толстел и так, другие ели шоколад – и ничего с ними не происходило. *That's life!*⁴ Его взгляд добрался до низа живота, и он понял, что испытывает легкое возбуждение. «*И это тоже жизнь!*» – сказал он себе, вспоминая последний раз, когда погружался в женщину. Прошло уже по меньшей мере полгода. Алиса была администратором в полицейском участке Ривьеры. Они ехали на фуникулере через высокогорные пастбища, природа цвела и радовалась жизни, и им захотелось сделать это прямо на лугу. Джошуа все еще чувствовал жар солнечных лучей на спине. Он лежал на ней и впитывал в себя все это тепло. Жар и холод, жизнь и смерть...

Солнце начало садиться. Лучи, пробивавшиеся через облака, придавали озеру сюрреалистичный вид. Оно казалось стальным – из-за сероватых бликов поверхности. Джошуа намотал на талию полотенце, набросил на плечи пуловер и устроился за столом, чтобы наконец ознакомиться с разбросанными тут и там папками. В них пряталась неизвестная из Не, то ли мертвая, то ли спящая. Джошуа начал было погружаться в чтение, но тут внезапная мысль потревожила его спокойствие. КТО тебя спас? Он знал от Сивиллы, что проводник и его собака вместе раскапывали снежную могилу, но вот имени спросить не удалось. Джошуа бросил папки, схватил мобильный телефон и набрал номер своей напарницы. Она не сразу, но все-таки отозвалась.

– И как поживает наш капитан Иглу? – высокомерно произнесла она. Джошуа не раз слышал у нее такой голос. Он становился таким, когда она была довольна своими шутками.

– Ну... Слушай, забыл у тебя кое-что спросить. Как зовут проводника, который нашел меня под завалом?

– О... погоди, я проверю, мне кажется, я где-то записывала.

Прошло несколько минут (Сивилла явно не была очень скупрулезным человеком), и она наконец снова взяла трубку.

– Так. Его зовут Андре Лете, это парень из подразделения. И ты ему должен!

(Сивилла говорила о подразделении спасателей, группе высокогорных проводников, с которыми полиция сотрудничала в случае необходимости.)

– У тебя есть его номер?

– Нет, только его адрес в О-де-Ко. Он не показался мне похожим на человека, и минуты не мыслящего без телефона.

– Даже так?

– Ну да. Я его видела, когда тебя спускали. Он довольно нелюдим, даже по моим меркам.

– Хорошо, спасибо за информацию.

– Не за что, мой зайчик. Завтра увидимся в участке, – сказала она и повесила трубку.

Несколько минут Джошуа колебался, потом оделся и завернулся в парк. В конце концов, у него была возможность снова жить, и это все – благодаря этому парню и его собаке.

⁴ Такова жизнь! (англ.)

Пожалуй, дело стоило того, чтобы он слегка отклонился от своего маршрута и заехал к ним перед работой.

Через двадцать минут пешком по Рю-дю-Лак Джошуа добрался до вокзала Монтрё и сел на фуникулер, следовавший в гору в сторону О-де-Ко. Покинув центр города, узкий вагончик зазмеился между домами исторической части города. Они проехали район Планш, и перед ними открылась череда незабываемых видов на озеро Леман, окруженное Альпами. Джошуа опирался на маленький столик и любовался пейзажем, значившимся во всех туристических маршрутах. Самая первая его экскурсия была в «шоколадном» поезде (и он не раз возвращался в его стены). Далее следовали сырный поезд (ах, какой там был грюйер!), панорамный поезд, проезжавший по высокогорным лугам, поезд, следовавший к вершинам, чтобы покататься на лыжах с Роше-де-Не. Все это было придумано как для местных, так и для туристов и тех, кто приезжал на фестиваль. Из этого места можно было выжать максимум впечатлений. Сам Джошуа обожал Ривьеру, и в особенности кантон Во. Именно здесь он родился, провел детство, учился в школе и получил знаменитый федеральный аттестат (предмет зависти соседей-французов и жителей других стран). Именно здесь он сдал экзамен на удостоверение полицейского. Кантон Во был его вселенной. Тут чувствовалось влияние моря, чуть ли не Средиземного, – озеро Леман поражало своими размерами. Тут царствовали и горы. От Лозанны и до самой французской границы лежали широкими островками города, расположившиеся у подножья гор. Пейзаж был уникален – бесконечные воды озера оттенял величественный силуэт Альп.

Поезд остановился на вокзале Глиона. Водитель вышел наружу, чтобы отметить в графике перед окончанием поездки. В вагоне была лишь пара-тройка человек, но это легко объяснялось тем, что на дворе царил январь. В январе туристов особенно не было, этому способствовали и холод, и плохая погода. Когда поезд добрался до станции О-де-Ко, на горы уже спустилась ночь. Вокзальные часы показывали 17 часов 32 минуты. Джошуа немедля почувствовал приближение холода и застегнулся по самый воротник, чтобы избежать повторения того странного состояния, в котором он пребывал после катастрофы. Андре Лете жил на улице Рош-Нуар. Согласно карте в мобильном телефоне Джошуа, его дом находился в десяти минутах пешком от вокзала. Оказалось, что карта наврала. Джошуа понадобилось полчаса, чтобы вскарабкаться по гололедице на центральной улице. Ему встретились несколько машин с горящими фарами, едущих по направлению к центру. Через какое-то время Джошуа свернул на небольшую тропинку, уходящую через лес огромных пихт, покрытых снегом. Дом проводника находился в глубине, и казалось, что дорогу к нему не чистили ни разу. Деревья по сторонам сгибались от снега. Джошуа провалился по лодыжки, и по джинсам тотчас поползла противная ледяная влага. Он ускорил шаг, миновал несколько домов с закрытыми ставнями – вероятно, это была собственность богачей, живущих в Лозанне, или даже иностранцев. В последнее время отдаленных любителей альпийских пейзажей только прибавлялось. Еще через сотню метров дорога оканчивалась тупиком и забором, за которым в глубине угадывался силуэт огромного деревянного дома. На калитке висела табличка: «Частная собственность. Осторожно, злая собака». Надо было быть совсем психом, чтобы заморачиваться и прибывать подобное объявление в этом забытом уголке, но Джошуа прекрасно знал по своему опыту работы в полиции, что в соседние дома часто навевается вору. Джошуа взялся за цепочку и изо всех сил позвонил в маленький колокольчик. Ответа не было. Джошуа решил было повернуть назад – в конце концов, он прекрасным образом мог вернуться к своему спасителю позже, при свете дня. Джинсы неприятно холодили ноги, и он подумал о том, что снова придется преодолеть весь этот путь. Почему бы не постучать в дверь дома – чтобы убедиться, что там никого нет? Он толкнул калитку, и та легко поддалась. Дом находился метрах в двадцати. Его фасад был темен, если не считать светильника, слабо мерцавшего в окошке над дверью. Джошуа двинулся по дорожке, засыпанной гравием, которая вела прямо ко входу. Металлический лягзг закрывающейся калитки заставил его подпрыгнуть и ускорить шаг. И сад, и дом были

погружены в почти абсолютную темноту. Джошуа медленно продвигался вперед. Гигантские ветви пихт закрывали небо. Пейзаж напоминал огромный театр теней. Сбоку кто-то прыгнул и зарычал. Джошуа увидел две светящиеся точки, устремившиеся к нему, и наконец разглядел морду гигантской собаки, бежавшей к нему с разинутой пастью.

– Твою мать! – рявкнул Джошуа, поворачиваясь к собаке. Их разделяла жалкая пара метров. Он машинально поднес руку к поясу, но оказалось, что оружие осталось дома. Тогда он выставил ладони вперед, что смягчить неотвратимый удар.

– Анхис!!! – раздался жесткий окрик из дома. Зверь остановился на месте и осторожно пошел к хозяину. На пороге возвышался огромный темный силуэт.

– Я ждал тебя! – Андре Лете, спаситель Джошуа, окинул его мрачным взглядом и пошел внутрь. Так и состоялось их знакомство.

Внутри дом оказался существенно меньше, чем выглядел снаружи. Повсюду валялись бесхозные вещи, и Джошуа решил, что попал в жилище старьевщика, на котором не лучшим образом сказывался цифровой век. Расположившись на стареньком диване с зеленой бархатной обивкой, Джошуа разглядывал кучу коробок, разбросанных тут и там. На одной из них лежала голова оленя, рога которого ветвились на два метра вверх. На стене висели огромные часы с кукушкой, тикавшие почище любого метронома. Увидел Джошуа и несколько черно-белых фотографий. На одних был запечатлен тот самый силуэт с парой лыж, на других – толстый младенец на руках у блондинки. На дубовом буфете стояла целая куча кубков и призов, были ровно разложены медали – по достоинству. Рядом с ним стоял невысокий марокканский столик с золотистой металлической столешницей. На ней собирали пыль две ароматизированные свечи. Анхис, старый сенбернар с глазами, подернутыми пленочкой катаракты, смотрел на него с высунутым языком. Через равные промежутки времени с его языка на ковер из серой шерсти падала слюна. Зверь не казался злым, но весил, наверное, килограмм семьдесят. Джошуа было интересно, кто именно спас его жизнь в горах. Возможно, это был Анхис?

Через несколько минут в комнату вернулся Андре. В руках у него был поднос, на котором стояли две чашки с дымящимся кофе и бутылка с прозрачной жидкостью. Джошуа готов был поклясться, что это не вода.

– Согрейся, сынок, – сказал Андре, протягивая ему чашку.

Джошуа чувствовал себя неуютно, но горячий напиток придал ему сил, и он заговорил:

– Я приехал, чтобы поблагодарить вас. Вы спасли мне жизнь.

Слова слетели с его языка мгновенно, и он подосадовал на себя, что не смог выразить мысль лучше.

– Благодарить надо не меня, а его, – ответил Андре, кивнув на Анхиса. – Он учуял тебя через трехметровый слой снега. Этот блохастый тип обладает уникальным нюхом.

Анхис смотрел на хозяина глазами, полными благодарности – так, будто он понимал разговор и это был лучший день в его жизни.

– Я не могу делать ему слишком много комплиментов, иначе он описается. Ветеринар мне сказал, что он страдает недержанием, и оно как-то связано с его настроением. Слишком много радости – и все, пора тащиться за тряпкой.

Джошуа рассмеялся в голос, и Анхис немедля повернулся к нему, посмотрев с укоризной. Даже захотелось извиниться.

– А вы не могли бы рассказать, где я находился перед сходом лавины?

– Да где-то рядом с Роше-де-Не. Около пещер. – Андре одним махом опустошил свою чашку.

– Но там же нет ничего интересного в это время года.

– Пусто, только снег кругом. Да и вообще, там не очень, учитывая, сколько осадков выпало. Тебе повезло, что я заметил тебя в момент схода лавины. Если бы я не решил выгулять свои снегоступы, валялся бы ты там до весны. Так, а теперь немного... – С этими словами

Андре открыл бутылку и налил немного в обе чашки. – Ну вот, теперь можно и горло промочить, и согреться. Это настойка на сливе, я делаю ее сам, в своем погребе. Я знаю, что ты коп, ну да ладно. Мне не кажется, что ты вдруг сдашь меня с потрохами.

Вместо ответа Джошуа поднес чашку к губам. Несколько мгновений он наслаждался запахом, а потом алкоголь обжег ему рот и пищевод.

– Крепко получилось, – сказал он, кашляя.

– Для тебя в самый раз. Ты теперь человек снега, ты будешь познавать холод всю оставшуюся жизнь, – резюмировал Андре, бросив пристальный взгляд на своего собеседника.

Андре должно было быть около пятидесяти, но выглядел он на все семьдесят. Его кожа была изъедена морщинами, он походил на сморщенное яблоко. Его матовая кожа контрастировала с темно-синими глазами и белизной зубов. Такой тип лица сложно было встретить в городе. Оно, закаленное холодом и обожженное солнцем, может принадлежать лишь человеку, всю жизнь проведшему в горах. Джошуа повернул голову, чтобы посмотреть в мертвые глаза оленя.

– Ты охотник? – спросил Андре, делая глоток настойки.

– Нет. Я не очень люблю оружие.

– Полицейский – и не любит оружие! Ничего себе, самое настоящее святотатство, – заверил он и принялся смеяться, и хохотал так, что стал кашлять. – Какая-то фигня с легкими. Доктор говорит, что нужно одно удалить. Как считаешь, можно жить с одним легким?

Беседа внезапно сменила тон и стала очень серьезной, Джошуа даже удивиться не успел. Должно быть, Андре очень болен, если ему рекомендуют такую операцию. Рак, наверное.

– Конечно, если так говорит ваш доктор...

– Сынок, нечего верить докторам, они все лгуны.

Взгляд синих глаз переместился на трофей. Андре улыбнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.